

ДИАЛЕКТИКА ГРАНИЦЫ: ОБЩЕЕ В РАЗЛИЧНЫХ ВЕРСИЯХ

Федяев Д. М., Чинакова Л. И.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», Омск, Россия (644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14), e-mail: fedyaev@omgpu.ru

Рассмотрены основные аспекты понимания границы а) в гегелевской диалектике, б) в философии экзистенциализма, в) в лирике Александра Блока; г) в текстах песен Владимира Высоцкого. Показано, что, несмотря на все различия, общее содержание преобладает. Так, в творчестве обоих поэтов, для которых тема границы была характерной, присутствуют такие характеристики граничного бытия, как беспокойство, стремление к выходу за предел, качественное изменение, взаимное проникновение разграниченных феноменов. Эти характеристики присущи классически-диалектическому пониманию границы. Общность рассмотренных версий границы объясняется укорененностью диалектики в человеческом опыте, не всегда осознаваемой. Предложено различение «потенциальной» и «кинетической» энергетики литературного текста. Первый тип характерен для лирики А. Блока: его герой лишь стремится преодолеть границу, второй – для поэзии В. Высоцкого, где граница действительно преодолевается.

Ключевые слова: диалектика, метафизика, граница, иное обоих, беспокойство, предел, беспредельное, пограничная ситуация, космическое, хаотическое, энергетика текста.

DIALECTICS OF THE BOUNDARY: COMMON IN DIFFERENT VERSIONS

Fedyaev D. M., Chinakova L. I.

¹ Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia (644099, Omsk, Naberezhnaya Tukhachevskogo, 14), e-mail: fedyaev@omgpu.ru

The article represents general aspects of understanding the boundary: a) in Hegel's dialectics, b) in the Philosophy of Existentialism, c) in Alexandr Blok's lyrics, d) in Vladimir Visotsky's song lyrics. In spite of existing of some differences general content prevails. Thus, the lyrics of these poets with boundary traits contain characteristics of boundary being in the form of anxiety, aspiration to getting out of the bound, quality alteration, and mutual penetration of demarcated phenomena. These characteristics contain classical dialectical understanding of the boundary. Generality of analyzed versions of the boundary is explained by implanted in human experience dialectics which is not always realized. It is suggested to differentiate between "potential" and "kinetic" energetic of the literary text. The first type is A. Blok's lyrics characteristic feature where the hero tends to overcome the boundary; the second type is in V.Visotsky lyrics where the boundary is actually overcome.

Key words: dialectics, metaphysics, boundary, other of the both, anxiety, bound, boundless, boundary situation, cosmic, chaotic, energetic of the text.

Нелегко, как представляется на первый взгляд, найти двух более непохожих поэтов, чем Александр Блок и Владимир Высоцкий. Обратим внимание на одно из многочисленных различий: философичность поэзии Блока общеизвестна и общепризнанна, тогда как тема философичности поэзии Высоцкого пока может обсуждаться только в форме вопроса, к тому же еще и толком не поставленного.

Правда, даже о Блоке-философе в литературе иной раз встречаются достаточно странные высказывания. К примеру, Андрей Белый назвал Блока «первым конкретизатором философии Соловьева» (курсив мой – Д. Ф.) [2, 766]. Действительно, в кругу Блока философия Соловьева обсуждалась, ей «болели». Несомненно, что многие его стихи написаны под влиянием философии Соловьева. Но в качестве «конкретизатора» он никогда

не стал бы тем Александром Блоком, которого читатели (в том числе не являющиеся поклонниками Соловьева, не слышавшие никогда о всеединстве или соборности) знают и любят. Если тайна творчества Блока в числе прочего заключается в его философичности, то она состоит, прежде всего, в том, что в лирике Блока представлена философия, и лишь затем философия Соловьева, Ницше, Шопенгауэра или кого-либо другого. То же самое можно сказать и о Высоцком.

При всей непохожести, даже при беглом прочтении сборника стихов Блока и текстов песен Высоцкого обнаруживается существенно общий момент: «коньком» обоим является тема границы, в высшей степени философская. Она изначально присуща философии уже потому, что философская мысль выходит за пределы опыта, то есть нарушает границу. Она не может избежать осмысления границы, разделяющей и в то же время соединяющей космос и хаос, бытие и ничто, объективное и субъективное духовное и материальное и др. Но далеко не всегда тема границы рассматривалась специально.

В рамках «профессиональной» философии обсуждались преимущественно два аспекта: граница, отделяющая одно качество от другого, и граница, положенная конечностью бытия человека. Первый наиболее основательно рассмотрен в гегелевской «Логике». Оказывается, что *«благодаря ей нечто есть то, что оно есть, имеет в себе свое качество»*. Идея взаимосвязи качества и границы имеет давнюю традицию. Она присутствует уже в аристотелевском учении о форме.

Нечто и иное благодаря границе различаются своими качествами. *«Она середина между ними, в которой они прекращаются. Они имеют свое наличное бытие по ту сторону друг друга и их границы; граница как небытие каждого из них есть иное обоим»* [4, 189]. Гегель обращает особое внимание на *беспокойство*, неотделимое от границы. Беспокойство присуще всякому нечто. Будучи заключенным в границы, оно стремится выйти за нее. Нечто *«выводится и гонится дальше себя»* [4, 191].

Согласно Гегелю, самое понятие границы уже предполагает возможность ее перехода. *«Обычно придают большое значение пределам мышления, разума и т.д. и утверждают, что невозможно выйти за эти пределы. В этом утверждении скрывается отсутствие сознания того, что если нечто определено как предел, мы тем самым уже вышли за этот предел. Ибо некоторая определенность, граница определена, как предел лишь в противоположность к его иному вообще, как к его неограниченному; иное некоторого предела как раз и есть выход за этот предел»* [4, 197]. Тема выхода за предел, начатая в «Учении о бытии», энергично развивается в «Учении о сущности»: противоположности проникают, перетекают друг в друга, светятся друг в друге.

Второй аспект представлен в философии экзистенциализма. Экзистенциализм в своей версии границы исходит из понятия ситуации, акцентирующего момент сопротивляемости. Единичные ситуации частично повинуются нашему планирующему вмешательству, но есть и радикальные моменты ограниченности нашего бытия, противостоящие ему в качестве принципиально не преодолимых преград. Это те ситуации, которые, хотя и изменяются сообразно обстоятельствам в их конкретных формах, однако при этом как таковые принадлежат самому личному бытию. «К этому ряду можно было бы причислить уже сам факт принципиальной заточенности в ситуацию. Далее сюда относится тот факт, что я должен умереть, что в действии – и также в бездействии – я неминуемо должен принять на себя вину, что я предоставлен случайности, где я ... могу поддерживать свою внешнюю или внутреннюю жизнь лишь в борьбе с противником» [3, 84–85]. Подобные угрозы, которые хотя и способны изменяться в их отдельных проявлениях, но как таковые принадлежат сущности личного бытия и потому оказываются неизбежными, К. Ясперс назвал пограничными ситуациями. Человек не в силах их изменить, а может лишь добиваться их ясности. Они существуют наряду с самим нашим бытием. Считается, что трактовка границы в философии экзистенциализма отличается значительной новизной. «Новым является то, каким образом обладающие конститутивным характером границы встраиваются в само внутреннее существо человека. Граница здесь представляет собой не то, что каким-либо образом располагалось бы снаружи и ограничивало бы человека извне, но то, что определяет его в самой глубине его существа» [3, 85].

Решающим в пограничных ситуациях является то, что под напором их реальности человеку становится сомнительным основание любого знания и действия, что в них открывается ущербность, способная потрясти его жизнь до самых основ. Любому опыту и любой мысли оказываются в беспокойном движении постановки-под-вопрос. В пограничной ситуации человек подведен к границе своего существования. Радикальнейшей пограничной ситуацией творцы философии экзистенциализма считают смерть. Если человек пристально в нее всмотрится, реализуется подлинное экзистенциальное существование. В смерти каждый предоставлен самому себе, каждый незаменим. Речь не идет о смерти как о когда-либо предстоящем событии, а о том значении, которым данное событие обладает сегодня, в этот вот день, для моей текущей жизни, о той преобразующей силе, которую знание о смерти направляет на жизнь. В этом смысле смерть более не является чем-то таким, что было бы для жизни внешним и чуждым, но представляет собой пронизывающую ее конститутивную составляющую, часть самой жизни.

Итак, экзистенциализм переносит проблему исключительно в бытие человека, но «узловые точки», зафиксированные Гегелем, безусловно, узнаются: беспокойство, стремление к преодолению и качественный скачок — переход к подлинности.

Версии Александра Блока и Владимира Высоцкого, разумеется, различаются, но общего значительно больше. У Блока мы встречаемся с «граничной чертой», которую нужно перейти, «неразмыкаемым кругом», истинно философским стремлением «слиться с неизвестным» и др. Единственный, наверное, из его стихов, написанный откровенно издевательски и зло («Сижу за ширмой. У меня / Такие крохотные ножки...»), посвящен Иммануилу Канту, установившему границу познания. Согласно свидетельству А. Белого, в своих письмах Блок пишет, что «страх перед страхом есть самый действительный страх; таким, страхом испуганным, он считает философа Канта;... переплетение темы Канта и темы «о страхе» – весьма показательно; мысль о границе, черте – есть продукт потрясения, страха; граница сознания – тень, мной отброшенная» [1, 49–50]. Герои Высоцкого стремятся постичь «назначенье границ», а, главное, – пытаются прорвать их.

У Высоцкого более явно выражен «экзистенциальный» аспект, связанный с пограничными ситуациями и мортальной символикой. Его герои нередко оказываются «на краю» и смотрят в лицо смерти, но в плане *героичности* он обнаруживает тонкость, присущую лучшим произведениям русской культуры: выдерживает меру, нарушая ее самым радикальным образом, концентрируя ужасы так, что они воспринимаются, разумеется, ужасно, но в все-таки чуточку с юмором, хотя бы и «черным». Непревзойденной в этом смысле оказывается, на наш взгляд, его строчка: «Не прыгайте с финкой на спину мою из ветвей». Если вообразить что-либо подобное реально, то, наверное, все согласятся с тем, что каждого из элементов описанного по отдельности многим уже хватит для инфаркта: прыгнут ли на нас внезапно из ветвей или же приступят к нам с финкой, хотя бы и без прыжков. А уж оба элемента вместе образуют нечто совершенно жуткое. Эта строка не случайна, можно вспомнить и другие: «Двух негодяев вздернули на рею, – / Но мало – нужно было четверых»; «Канат не пересек мой шейный позвонок / Но из кустов стреляют по колесам». А вот и совсем кровавые строки, оказывающие прямо-таки удивительное весело-бодрящее действие: «И вот волна, подобная надгробью, / Все смыла, с горла сброшена рука... / Бросайте ж за борт все, что пахнет кровью, – / Поверьте, что цена невысока!».

У обоих поэтов явно звучит вызываемое границей беспокойство, порождающее желание ее перейти. Героям Высоцкого представляется, что «на нейтральной полосе – цветы / Необычайной красоты». Герой Блока воспринимает «холодную черту зари», выделяющую горизонт, «как память близкого недуга». Оба преодолевают границу исконно диалектическим способом, заставляя противоположности проникать друг в друга. Более

того, в соединении космического и хаотического оба обнаруживают известную «односторонность», или, скорее, демонстрируют асимметрию: хаотическое врывается в космическое, тогда как обратного движения почти не обнаруживается. В стихах Блока хаос «наполняет» естественные символы космической упорядоченности – город и дом. То же обнаруживается у Высоцкого: «Разве дом этот – дом в самом деле?» (А. Блок); «Что за дом такой?», – этот вопрос задает герой В. Высоцкого. («Что за дом притих, / Погружен во мрак, / На семи лихих / Продувных ветрах, / Всеми окнами / Обратясь в овраг, / А воротами – / На проезжий тракт?»). У Блока мы встречаем «перепачканного мукой» ангела, у Высоцкого ангелы поют «злыми голосами». Оба заставляют материальное начало проникать в духовное и детерминировать его самым причудливым образом: «Авось и распарит кручину / Хлебнувшая чаю душа!» (А. Блок); «Траву кушаем, / Век на щавеле, / Скисли душами, / Опрыщавели...» (В. Высоцкий).

«Схождение» крайностей имеет своей обратной стороной раздвоение целого. Блок и Высоцкий обнаруживают раздвоение, прежде всего, применительно к душам своих лирических героев. Традиционно считается, что «двойничество» – характерная особенность творчества Блока: «Боюсь души моей двуликой / И осторожно хороню / Свой образ, дьявольский и дикий, / В сию священную броню», и др. Для текстов Высоцкого она, может быть, не столь типична, но тоже явно присутствует. Второе Я обнаруживает совсем не те стремления, что Я первое; «Я – «Як», истребитель, – Мотор мой звенит, / Небо – моя обитель, – / А тот, который во мне сидит, / Считает, что – он истребитель». Далее тема самолета-истребителя разворачивается столь содержательно, что на материале этой песни можно прочесть студентам лекцию о законе единства и борьбы противоположностей, не опасаясь, что какой-либо аспект закона будет упущен.

Пожалуй, не будет чрезмерным преувеличением, если сказать, что сходство между Блоком-философом и Высоцким-философом столь велико, что легко можно представить их обоих в составе одной философской школы (например, младегегельянцами) и даже работающими на одной философской кафедре.

Неприятие Владимира Высоцкого как философствующего поэта определяется, на наш взгляд, тем, что в его творчество являет совершенно не философский (прежде всего, не метафизический) темперамент, философские идеи парадоксально, но вполне органично включены в прямое действие.

Так уж получилось, что для большинства философ – это, прежде всего, «классический» метафизик, окруженный совершенным определенным эмоциональным фоном, выражающим, в известном смысле, суть метафизики.

Термин «метафизика» многозначен. Исследуя его разнообразные смысловые оттенки, Л. В. Денисова обоснованно выделяет три основных значения. Первое именуется декартовским: под метафизикой понимается ядро, центральная, главная часть философии, ее основание. Согласно второму, гегелевскому, метафизика есть философия в целом, существующая в конкретное, исторически определенное время. Для третьего, аристотелевского, «метафизика» означает науку о сверхчувственном. Впрочем, это последнее значение включено и в декартовское, и в гегелевское понимание метафизики [5, 20–23].

Из третьего значения прямо следует, что «характерной особенностью метафизических знаний выступает их стабильность. Эта разновидность знаний менее подвержена изменению, чем знания о конкретных, меняющихся ситуациях». Впрочем, этот аспект метафизики предполагается и двумя первыми значениями [5, 35].

Если метафизика – основание философии, то очевидно, что основание подвержено изменениям в меньшей степени, чем все прочее содержание. Философ развивает свое учение, меняет взгляды по тем или иным вопросам, но если он изменит основание, получится уже другой философ или же начнется качественно новый период его творчества, как, например, у Канта «критический» период сменил «докритический». Если метафизика есть вся философия в том виде, в каком она существует в какое-то время, то время здесь понимается не в узко-физическом, а в историческом смысле, в котором, например, употребляется выражение «дух времени». Научно-историческое понимание времени неотделимо от периодизации истории. Время насыщено событиями, все течет и меняется, но в течение периода сохраняется некоторое историческое качество, а, следовательно, сохраняется и «дух», обеспечивающий сущностное сродство разнообразных и даже конкурирующих друг с другом философских учений, что позволяет философу-профессионалу без особого труда определить примерное время написания даже незнакомого ранее фрагмента текста.

Имеется еще одно значение термина «метафизика», в свое время получившее наибольшее распространение в отечественной философии, метафизика – антидиалектика. Оно идет от Гегеля и является характеристикой метафизики определенного периода, выражавшей дух своего времени. Диалектика тоже оказалась созвучной духу времени, но другого. Именно Гегелю удалось выразить в диалектической философии изменение духа времени и, таким образом, обозначить начало нового периода в развитии мысли. Если отбросить позитивную или негативную оценочную «нагрузку» понятий, придется признать, что диалектика, пронизанная идеей развития, тоже является метафизикой. Она послужила основой построения целого ряда философских систем, выразила дух своего времени, являясь наукой о сверхчувственном. Если же мы признаем это, встает вопрос: свойственно ли диалектике

останавливать мгновение? Согласно Ф. Энгельсу, «для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему» [6, 376].

Вчитаемся еще раз: печать *неизбежного* падения. Это значит, что в данный момент его все-таки еще не происходит. Если движение, согласно одному из вариантов диалектической философии, – атрибут материи, это значит, что материя находилась в движении всегда, и будет двигаться впредь. Если переход от одного качества к другому совершается посредством скачка, это означает, что скачок – вечная и неизменная форма перехода от одного качества к другому. Любой процесс предполагает смену состояний, включает в себя те или иные фазы, но фаза, состояние – фиксированные моменты. Согласно известной диалектической формуле, движущееся тело находится в данный момент в данном месте и не находится в нем. Когда мы говорим: «находится» или же «не находится», тем самым мы останавливаем мгновение. Обращаясь к терминологии физики, можно сказать, что для метафизики в большей степени характерна потенциальная энергетика, но не кинетическая.

Именно об энергетике Блока, а не Высоцкого можно сказать, что она носит чаще потенциальный, чем кинетический характер. Если читатель Высоцкого в своих эмоциях несетя с горы, то читатель Блока, скорее, стоит на вершине перед началом спуска. Читатель Высоцкого видит падающее тело. Читатель Блока держит его, ощущая тяжесть. Движение будет, но в данный момент его не происходит, все замерло. Останавливая мгновение, более того, делая это постоянно, на протяжении всего своего творчества, Блок формирует эмоциональный «фон» метафизики. «Лирический герой Блока нередко останавливается у последней черты, оставаясь в пределах «неразмыкаемого круга», тогда как герой Высоцкого делает решительный шаг: «Я из повиновения вышел – / За флажки, – жажда жизни сильней!» [7, 229].

Лирический герой В. Высоцкого всегда прорывает границу: волк уходит за флажки, иноходец сбрасывает жокея и бежит «как будто в табуне», корабли идут в дальние страны, несмотря на все препятствия. Его герои ведут себя нетипично, не смиряясь перед обстоятельствами («... им не увидеть нас / Прикованными к веслам на галерах»; «я скачу, но я скачу иначе»). В них бурлит яростная энергия, находящая выход в движении. Невольно сопоставляются хотя бы следующие строки поэтов... «Я здесь в конце, исполненный прозренья, / Я перешел граничную черту. / Я только жду условного виденья, / Чтоб отлететь в иную пустоту». Блоковский герой в этот раз вроде бы и перешел границу, но все же стоит и ждет. У Высоцкого не постоишь: «Для остановки нет причин, / Иду, скользя...».

Яростное стремление героев Высоцкого вырваться «за флажки» в значительной степени обусловлено спецификой творчества в условиях советской культуры. Невольно вспоминаются строки О. Мандельштама, – строки «затертые», цитируемые кстати и некстати, но, тем не менее, просто пугающие: поэт намеревается выпить «За музыку сосен савойских, полей Елисейских бензин», и даже «За рыжую спесь англичанок и дальних колоний хинин». Такое мог написать только поэт, твердо знающий, что ничего из перечисленного он никогда не увидит и не узнает «лично», как и оказалось; причем, именно тоска по невозможному придала всему упомянутому такую остроту. Здесь, несомненно, «позитивны» только сосны, – в бензиновых же ароматах, скверном национальном характере англичанок и уж тем более в малярии, которую хинин только залечивал, но не вылечивал вполне, – явно нет ничего хорошего. Но тоска по невозможному все, что угодно окрашивает в розовые и голубые цвета, делает до дрожи привлекательным. Третьестепенный персонаж «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова, сумасшедший учитель географии, тоже кричал «на волю, в пампасы!» и мечтал «продираться на потном мустанге сквозь заросли» (едва ли в этом занятии, если оно доступно, есть что-то приятное). Но при всей естественности темы границы для художников советского периода, реакция на нее неодинакова: герой-метафизик Блока преимущественно рефлектирует, герой Высоцкого преимущественно действует.

Но все же (повторимся) в плане философского *содержания* произведений применительно к проблеме границы Александр Блок и Владимир Высоцкий в основном схожи. Кроме того, как видно из сказанного, их «пограничные» идеи находятся в русле диалектики Гегеля и (частично) идей экзистенциализма, – в той мере, в какой экзистенциализм продолжает линию классической философии. Наверное, в этом нет ничего из ряда вон выходящего. Как известно, люди мыслили диалектически задолго до того, как было выдуманно это слово. В древней философии диалектика начала формироваться очень давно. Даже Гераклит – не вполне первооткрыватель, он развивал то, что появилось еще раньше. Диалектика укоренена в человеческом опыте, а потому каждый из нас – в известной степени диалектик, даже если не подозревает об этом. Поэтому диалектическая идея (если она присутствует в художественном произведении), представленная не в профессионально-философской, а в «снятой», образной форме, работает на читательское впечатление. Поэт ее не зашифровывает, не стремится специально изложить, читатель не занимается дешифровкой, но ее сила ощущается.

Список литературы

1. Белый А. Воспоминания о Блоке. – М., 1995. – С. 49-50.

2. Белый А. Речь на вечере памяти Блока 26 сентября 1921 г. // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Книга четвертая. – М., 1987. – С. 766.
3. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма. – СПб., 1999. – С. 84-85.
4. Гегель Г. Наука логики: В 3 т. Т. 1. – М., 1970. – С. 85, 189, 191, 197.
5. Денисова Л. В. Догматическое основание метафизических систем. – Омск, 1999. – С. 20-23, 35.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т. Т. 1. – М., 1966. – С. 376.
7. Философский инвариант в творчестве Владимира Высоцкого // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века. – М.: ГКМЦ В. С. Высоцкого, 2003. – С. 229.

Рецензенты:

Разумов Владимир Ильич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ОмГУ им. Ф. И. Достоевского, г. Омск.

Нефедова Людмила Константиновна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии ОмГПУ, г. Омск.